

УДК 81'367

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ И РИТОРИЧЕСКАЯ ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Макаров Владлен

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия*

В статье осуществлена попытка разграничить различные функции языковой игры в разных типах текстов с точки зрения коммуникативных намерений автора и восприятия текста читателем на материале фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологическая единица, языковая игра, эстетическая функция, риторическая функция, игровая функция, текст.

В настоящей статье речь пойдет о языковой игре и ее функциях в тексте на примере употребления фразеологизмов. Актуальность темы основана на недостаточности и неоднозначности решения вопроса о языковой игре в тексте, главным образом в функциональном плане. Проблема, описанная в статье, заключается в различной функциональной нагрузке использования языковой игры в различных текстах.

Цель исследования: определить основные функции языковой игры в тексте и критерии их различения.

Решаемые задачи: выявление функций языковой игры в тексте, обозначение границ между ними, определение признаков реализации в тексте той или иной функции языковой игры.

Эстетическая функция возникает тогда, когда форма выражения не менее (если не более) важна, чем смысловое содержание используемой единицы и текста, где это все происходит в целом. Единица концентрирует внимание на себе самой, выделяясь на фоне текста, в котором присутствует. [17, с. 98] Как нам кажется, в таком понимании эстетической функции отражается только одна сторона вопроса, а именно информация о текстовых сигналах, признаках наличия эстетической функции.

К подобным событиям относятся любые «аномалии»: словотворчество, нарушение требования ясности за счет актуализации двух и более значений языковой единицы разом, помещение единицы в несвойственный ей по смысловым или стилистическим параметрам контекст, паронимическая аттракция и так далее.

Другая, на наш взгляд, куда более важная сторона, состоит в понимании роли такого использования единицы в тексте. Если мы говорим о функции, то прежде всего надо четко обозначить конкретные задачи, которые предусматривает эта функция.

Мы в целом согласны с мнением В. И. Заики, который разделяет практическую и эстетическую реализацию языка. Главной задачей он видит коммуникацию, обмен информацией с целью координации деятельности людей. Эстетическая реализация языка некоммуникативна, от практической речи является то, что наряду с реалиями изображаются также повествующий субъект и этнический язык. [2, с. 11–13]. Он же проводит водораздел между коммуникативной речью с установкой на выразительность, видя здесь риторическую функцию языка, и собственно эстетической реализацией языка, лишенной, как было уже сказано, коммуникативной установки.

Однако когда речь идет о таком сложном и многомерном явлении, как эстетическая реализация языка, невозможно, признавая доминирующую роль одной функции, пренебрегать другими как менее существенными. Языковая игра, которая в последние годы стала объектом пристального внимания лингвистов, проявляет себя, если судить по имеющимся исследованиям, в тех языковых формах, которые свойственны эстетическому употреблению языка. Речь идет о сознательном отступлении от языковых норм, стандартов. [1, с. 5; 3; 6; 13, с. 86]

Выделяются различные функции языковой игры. Применительно к художественному тексту чаще всего говорят об эстетической функции, как правило, не расшифровывая, в чем конкретно она состоит. Видимо, подразумевается, что функцию определяет сама сфера употребления языка. Примечательно, что для публицистических текстов основной называют функцию воздействия или специфической аргументации [11, с. 171], что также может объясняться схожими соображениями. Среди других функций языковой игры называют экспрессивную [6], собственно игровую [16, с. 8], развлекательную [12, с. 9].

Разумеется, что ведущая функция художественного слова – **эстетическая**. Но это не означает, что внутри художественного текста каждая его лингвистическая деталь выполняет эстетическую функцию. Вернее, только эстетическую. Что касается текстов иных сфер, то и текстам публицистического, например, стиля эстетическая функция не чужда. Н. Б. Мечковская, которая поддерживает эту точку зрения, употребляет очень точную метафору – «внушающая сила искусного слова». [7, с. 23]. Вспомним и мысль Яна Мукаржовского о том, что любой процесс (природный или связанный с человеческой деятельностью), может стать носителем эстетической функции, при этом не обязательно, что она будет занимать в этом процессе доминирующее положение [9, с. 246].

Нам представляется, что, помимо типа текста, в котором представлен факт языковой игры, его функциональную характеристику должен определять ряд признаков, проявляющийся именно в этом конкретном моменте. Характерно, что роль языковой игры в текстах СМИ исследователи видят по-разному: средства воздействия [10] специфической аргументации [11, с. 171], оценки [5, с. 286], [4, с. 84], привлечения внимания [5, с. 286], развлечения, «ошарашивания» читателя, развлекательную [12, с. 9].

Очевидно, что в разных случаях та или иная задача выходит на первый план, является приоритетной. Предполагаем, что те же соображения релевантны и для художественных текстов. Для языковой игры как потенциального явления

характерна функциональная диффузность. Можем ли мы в этом случае говорить о некоем наборе признаков, критериев, которые бы указывали на то или иное функциональное обособление в каждом конкретном случае?

Для эстетической функции, полагаем, главным критерием была бы некая «эстетическая значимость» языковой игры, создание образа ситуации, работа на общий модальный и смысловой план текста; «игровая» единица встраивается в него в виде смыслового кирпичика. Понятно, что определение этого представляет собой нелегкую и часто не совсем лингвистическую процедуру. Кроме того, не следует забывать, что эстетическая функция – это в том числе и функция украшения. Реализация потенциальной семантики, параномазия, парадокс, двойная актуализация в многозначной единице, активизация внутренней формы и прочие явления получают эстетическую значимость в том случае, если демонстрируют своеобразную «глубину» значимости единиц языка, их афористический заряд, то есть примеры уже упомянутого «искусного слова».

Эстетическая значимость в публицистических текстах во многом имеет «отрицательную выделимость». Если отсутствуют или не очевидны другие функции языковой игры, то остается только эстетическая.

Риторическая функция. Данная функция связана с выполнением ключевых задач риторики – убеждения и отстаивания своей точки зрения. Выше уже отмечалось, что в публицистическом тексте различные авторы находят такие функции языковой игры, как специфическая аргументация (очевидно, речь идет о «нравах» и «страстях») и оценка. Очевидно, что когда мы сталкиваемся с такими задачами языковой игры, то речь идет как раз о выполнении риторической функции, а не об абстрактном «воздействии», как полагают некоторые авторы [10].

Публицистическая аргументация – особого рода, она обращена больше к чувствам и воображению, нежели к разуму. Она носит более тактический, нежели стратегический, долгоиграющий характер, ее задача – убедить здесь и сейчас. В качестве основы аргументов используются схемы выдвижения (конвергенция, сцепление, градация, обманутое ожидание). Нетрудно заметить, что все эти схемы могут встраиваться за счет языковой игры.

Игровая функция. Й. Хейзинга в числе прочих приемлемых толкований сути игры называет «потребность что-то мочь, чему-то служить причиной, стремление к главенству или к соперничеству <...> поддержание ощущения собственной индивидуальности» [16, с. 22] современные исследователи видят языковую игру в качестве «аттрактивного приема, выгодно иллюстрирующего лингвокреативный потенциал автора». [1, с. 5] Проще говоря, игровая функция состоит в проявлении человеком говорящим себя как оригинальной языковой личности. И, если при анализе факта языковой игры мы обнаруживаем, что никаких других рациональных оснований для употребления игровых форм речи нет, мы можем быть уверены, что ведущей функцией языковой игры в данном случае является собственно игровая. Естественно, мы исходим из соображения, что в конкретном тексте реализуется сразу несколько функций языковой игры. Однако вполне можно выделить ведущую функцию. Нам кажется полезным построить ряд противопоставлений, который будет помогать такому определению.

Эстетическая функция vs риторическая. Точнее, речь идет не о противопоставлении эстетического и риторического в публицистике. Как нам кажется, такое противопоставление неправомерно. Скорее, речь о сопоставлении и взаимодополнении. Роль эстетического начала – в создании образа, глубины семантики. Риторическое же начало придает этому образу направленность, вектор.

Г. Зюганов на пресс-конференции 5 марта, после выборов президента, сказал, что «Чуров обеспечит Путину чуррову победу». В данном случае отсылка к обороту «пиррова победа» с его значением «победа, равная поражению» носит вторичный характер. Главное для говорящего – подчеркнуть неправильный, ненастоящий характер этой победы и убедить в этом собравшихся, образ, который несет оборот, используется в сугубо прагматических целях. Только при отвлечении от конкретного момента речи мы можем оценить его силу и возможные смыслы.

А вот в заголовках публицистических текстов часто ситуация иная. Обратим внимание, что обычно, когда приводятся примеры языковой игры в заголовках, исследователи в скобках дают разъяснения, о чем эта статья. Это нам кажется знаменательным. Это означает, что заголовок сам по себе не дает представления о том, что происходит в тексте. Наоборот, он становится понятен только тому, кто с текстом ознакомился. Значит, он не выполняет роли информатора. Его роль – поразить, заинтриговать необычностью. Он выступает в роли необычного артефакта, экспоната музея. Представляется, что эстетическая функция здесь явно превалирует.

Эстетическая функция vs игровая. Правомерно ли ставить знак равенства между двумя событиями: включением игрового начала, сигналом от автора читателю: «давай поиграем», и реализацией эстетических задач? Нам кажется, что такое уравнивание неправомерно, и главный тезис состоит в том, что эстетическая функция языкового знака, при всей концентрированности на нем самом, означает, что знак работает на текст в целом, дает ему особую «подсветку», включение этой функции оправдано задачами текста в общем.

Игровое начало лишено этой нагрузки. Пример – жанр пародии. Лишите читателя осознания соотношения пародийного текста с текстом-исходником или творческой манерой пародируемого автора, и он скажет: «Что за банальность, плоскость? К чему все это написано? Что за школьные экзерсисы?». Момент различия между ними – в понятии эстетической ценности, значимости знака. Стершиеся метафоры, массовые каламбуры сохраняют игровую функцию, но утрачивают эстетическую.

Газета «Коммерсант» опубликовала статью под заголовком «Пятого – колонной. Мэрия Москвы вчера отказалась согласовывать оппозиции 5 марта митинг “За честные выборы” на Лубянской площади». Заголовок апеллирует к известному фразеологизму «пятая колонна» – «о предателях внутри противника». Однако в статье нет и намека на то, что демонстранты, о которых идет речь, – какие-то изменники или провокаторы. Налицо факт, что сама языковая игра важнее образа исходного фразеологизма. Образ фактически не используется, его эстетический потенциал многомерности снят, не используется.

Игровая функция vs риторическая. В отличие от предыдущего случая, в данном противопоставлении важно, задает ли игровой факт перспективу оценки, аргументации. Используемый выше пример подойдет и для иллюстрации данного противопоставления, но не в плане использования образа, потенциала многосмысленности, а в плане решения риторических задач. Мы можем констатировать, что игровой факт в данном случае никак не используется не для оценки, ни для аргументации.

Различие между игровой и риторической функцией можно проиллюстрировать и следующим примером. В спортивном блоге один из материалов озаглавлен «Ход конем Слуцкого». Материал посвящен перспективам команды ЦСКА (в кругу болельщиков имеющей прозвище «кони») в одном из матчей чемпионата России. При этом употреблен фразеологизм «ход конем», который, помимо того, что содержит компонент, отсылающий к жаргонному названию команды, имеет значение «Использовать хитрый и эффективный приём для достижения цели» [8, с. 715]. Справедливо поэтому коммуникативное ожидание того, что в статье речь пойдет о возможных тактических сюрпризах и неожиданных решениях тренера. Однако в тексте эти ожидания не оправдываются, что вызывает недоумение у читателей, комментирующих текст. Вот некоторые реплики: «Ну и в чем тут «ход конем Слуцкого?»», «Потому как он в конюшне, и других ходов у него быть не может». Здесь мы видим языковую игру ради самой игры, стремление проявить себя как языковую личность.

В том же блоге размещена статья с заголовком «Конь в Мешке», посвященная предматчевым раскладам той же команды ЦСКА с командой «Зенит», которая в кругах болельщиков имеет жаргонное прозвище «мешки». Этот заголовок отсылает сразу к двум фразеологизмам: «кот в мешке» со значением «О чём-л. неизвестном, непроверенном» [8, с. 322]. и «конь в пальто», который, как известно, представляет собой ответную реплику на вопрос «кто?» [8, с. 310]. Вот несколько выдержек из статьи: «И вместо определенности одни вопросы. Вопросов много, ответов нет. Кто будет у ЦСКА на фланге? Муса или Секу? Или может Цауня вместо Тошича?». Как видим, смысловое содержание обоих контаминированных фразеологизмов обыгрывается в тексте. Это чувствуют и читатели, одобрительно отмечая выбор заголовка. Заголовок, таким образом, скрепляет материал статьи, задает перспективу восприятия информации читателем, при этом обладает краткостью и многомерностью.

При отсутствии внятно обозначенных функций языковой игры констатируется коммуникативная неудача. На одном спортивном сайте опубликована статья «Имя им – легион. Первые легионеры "Зенита"». Заголовок вызывает справедливую отповедь комментирующего читателя: «Хоть бы авторы таких заголовков книги иногда читали. Само дальнейшее чтение текста бессмысленно: если автор не понимает смысла скрытой цитаты, выносимой в заголовок, то чего ждать от “исследования”?»

В данном случае можно констатировать, что ни одна из возможных функций языковой игры в тексте не реализована.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

- языковая игра может выполнять в различных текстах эстетическую, риторическую или собственно игровую функцию;
- в конкретном контексте различные функции языковой игры могут совмещаться;
- читатель распознает функцию языковой игры в конкретном тексте и оценивает ее с точки зрения эффективности выполнения данной функции.

Список литературы

1. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург: Урал. ГПИ, 1996. – 215 с.
2. Заика В. И. Очерки по теории художественной речи / В. И. Заика. Великий Новгород: Изд-во Новг. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, 2006. – 407 с.
3. Ильясова С. В. Языковая игра в газетном тексте / С. В. Ильясова // Научно-культурологический журнал №23 (77). 12.12.2001. Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=395&level1=main&level2=articles>
4. Качалова И. Н. Феномен языковой игры как средства выражения оценочной семантики в текстах СМИ / И. Н. Качалова // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – №2. — 2010. – М. : Изд-во МГОУ. – С. 83–87.
5. Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля / Н. И. Клушина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. – М. : Изд-во МГУ, 2003. С. 269–289.
6. Лисоченко Л. В., Лисоченко О. В. Языковая игра на газетной полосе (в свете металингвистики и теории коммуникации) / Л. В. Лисоченко, О. В. Лисоченко.
7. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 207 с.
8. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : «ЗАО ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
9. Мукаржовский Ян. Эстетическая функция, норма и ценность / Ян Мукаржовский // Труды по знаковым системам 7. Уч. зап. ТГУ. Вып. 365. – Тарту, 1975. – С. 243–295.
10. Негрышев А. А. Языковая игра в новостном медиатексте: референциально-прагматический аспект / А. А. Негрышев // Медиаскоп. Электронный научный журнал факультета журналистика МГУ имени М. В. Ломоносова. 2010. №4. Режим доступа: <http://mediascope.ru/node/669>
11. Панченко Н. Н. Лингвистическая реализация комического в английском новостном дискурсе: Дисс. на соискание научной степени канд. филол. наук : спец 10.02.04 «Германские языки» / Н. Н. Панченко. – Иркутск, 2005. – 206 с.
12. Режим доступа: http://www.teneta.ru/rus/le/lisochenko_jaee.htm
13. Санников В. З. Об истории о современном состоянии русской языковой игры / В. З. Санников // Вопросы языкознания. – 2005. – № 4. – С. 3–20.
14. Сковородников А. П. О понятии и термине «языковая игра» / А. П. Сковородников // Филологические науки. – 2004 г. – №2. С. 79–87.
15. Сметанина С. И. Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 383 с.
16. Хёйзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / Пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; Коммент. Д. Э. Харитоновича / Й. Хёйзинга. – М. : Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.
17. Шаховский В. И. Словообразовательная игра как вербальная упаковка социальных интеракций человека и общества / В. И. Шаховский // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2006. – Т. 1. – № 4. – С. 8–12.
18. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – Санкт-Петербург : Symposium, 2006. – 544 с.

Макаров Владлен. Естетична і риторична функції фразеологізмів в аспекті мовної гри / Владлен Макаров // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 193–199.

У статті на матеріалі фразеологічних одиниць зроблено спробу розмежувати різні функції мовної гри в текстах з погляду комунікативних намірів автора і сприйняття тексту читачем.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, мовна гра, естетична функція, риторична функція, ігрова функція, текст.

Makarov Vladlen. Aesthetic and Rhetoric Functions of Idioms in Terms of a Language Game / Vladlen Makarov // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 193–199.

The paper deals with different language game functions of phraseological units in various types of texts from the perspective of the author's communicative intentions and reader's text perception.

Key words: phraseological unit, language game, aesthetic function, rhetorical function, language game function, text.

Стаття надійшла до редакції 16 березня 2012 року